

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-54

Олкотт, Луиза Мэй.

О-54 Маленькие женщины / Луиза Мэй Олкотт ; цветные иллюстрации Либико Марайя, гравюры Фрэнка Т. Меррилла ; [перевод с английского]. — Москва : Эксмо, 2020. — 160 с. : ил. — (Золотое наследие).

Мег, Джо, Бетси и Эми Марч — сёстры, самой старшей из которых шестнадцать лет, а самой младшей — двенадцать. Каждая проходит через непростой этап взросления, искренне стремясь стать лучше. В истории сестёр Марч описываются важные во все времена истины: осознание долга и справедливости, любовь к родителям, взаимопонимание в семье и в дружбе, проявление доброты к людям.

Книга американской писательницы Луизы Мэй Олкотт стала первой в жанре приключенческих романов о взрослении для девочек.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-108626-8

Original artwork © Libico Maraja Association 2020
use without permission is strictly prohibited
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА I

ИГРА В «ПИЛИГРИМА»¹

— Что за Рождество, когда нет подарков! — ворчливо говорила Джо, лёжа на ковре.

— Ах, как грустно быть бедными! — вздохнула Мег, взглянув на своё поношенное платье.

— Отчего у одних всё есть, а у других ничего? — спросила Эми с тяжёлым вздохом.

— У других нет ни отца, ни матери, никого на свете, — отвечала Бетси, — а у нас есть и папа, и мама, и нас целых четверо.

Все четыре сестры улыбнулись, но сейчас же опять сделались грустны, когда Джо сказала:

— Папы у нас здесь нет и долго ещё не будет.

Она не прибавила: «А может быть, и никогда». Но все сёстры подумали это, так как их отец был в Америке, где шла война между Северными и Южными штатами.

Они примолкли на несколько минут.

— Правду сказать, — прервала молчание Мег, — стыдно было бы думать об удовольствиях и подарках, когда кругом нынче столько несчастных. Зима стоит такая суровая, и у многих не хватает самого необходимого. Мы не могли бы ни для кого,

¹ Пилигрим — странствующий богомолец, паломник к святым местам. На своём пути к самосовершенствованию сёстры подражают некоторым моментам из книги Джона Баньяна (1628–1688) «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну», в которой под видом такого странствия изображается вся человеческая жизнь до самой смерти.

конечно, сделать много, но немножко можем. Надо попробовать... Только это ужас как трудно!

— Да что сделаешь на один доллар? — воскликнула Джо. — Я понимаю, что мама не может покупать нам подарков, но очень жалко, что мы на собственные деньги не можем сделать себе того, что нам хочется. Я, например, так давно мечтаю купить себе «Ундиону»! — прибавила Джо, очень любившая чтение.

— Ну а мне никак нельзя обойтись без коробки карандашей Фабера! — решительно заявила Эми. — Ведь без них я и рисовать не могу.

— Да ведь мама ничего не говорила о наших собственных деньгах, — сказала Джо. — Я думаю, что мы можем доставить себе на них какое-нибудь удовольствие. Ах, у нас так мало удовольствий!

— Ещё бы! — сказала Мег. — Какая скука быть учительницей!

— Но всё же лучше, чем целый день сидеть с капризной старухой и исполнять её приказания! — воскликнула Джо.

— Я скажу, что хуже всего. Очень скучно заниматься хозяйством, мыть посуду, чистить да убирать! И руки портятся от этого. После нельзя играть на фортепиано, — прибавила Бетси, вздохнув.

— Зато никто из вас не ходит в школу, как я! — воскликнула Эми. — А хуже этого ничего быть не может. Девочки такие злые! Они смеются, когда не знаешь урока, обсуждают, у кого какой нос, какой рот, и дразнят.

— Ах, как жалко, что у папы пропали деньги! — сказала Мег. — Если бы мы были богаты, мы, наверно, были бы счастливее и не знали бы никаких забот.

— А помнишь, ты говорила, что мы гораздо счастливее детей семьи Кинг, которые постоянно дерутся? — заметила Бетси.

— Да, это правда, — отвечала Мег, — и я подтверждаю это. Если б не наша бедность, мы составляли бы отличную «коллекцию», по выражению Джо.

— У Джо всегда такие некрасивые выражения, — сказала Эми, с упрёком взглянув на высокую фигуру сестры, сидевшей у камина.

Джо встала с задорным видом, заложила руки за спину и стала, посвистывая, расхаживать взад и вперёд.

— Фи! — воскликнула Эми. — Не свисти, Джо! Ты точно мальчишка.

— Я для того и свищу.

— Очень нехорошо, когда у девочки дурные манеры! Терпеть этого не могу!

— А я, — сказала Джо, — терпеть не могу жеманных гримасниц.

— «Птички в гнёздышках мирно живут», — стала напевать Бетси с добродушно-лукавым видом, и ссора сразу прекратилась.

— Вы глупите, мои милые! — наставительно сказала Мег в качестве старшей сестры. — Конечно, тебе, Жозефина, пора бросить твою мальчишескую манеру! Ведь ты уж больше не девочка со стриженными волосами, а взрослая барышня с причёской.

— Не хочу я быть барышней! И если причёска тут играет важную роль, так я перестану её делать и до двадцати лет буду ходить с распущенными косами!

Она тряхнула головой, выдернув шпильки, и её густые каштановые волосы рассыпались до самой талии.

— Была бы я Жозеф, а не Жозефина, так теперь была бы с папой на войне, а не вязала бы чулок, как древняя старуха! — прибавила она, так сильно рванув нитку с клубка, что он выкатился из её корзинки на середину комнаты.

— А ты, Эми, в самом деле ужасно жеманная, — продолжала Мег. — Пока ты девочка, это ещё не так заметно, а когда ты вырастешь, это будет очень нехорошо. У тебя и выражения такие же изысканные, как твоя манера. Это тоже большой недостаток.

— Обeim попало, — сказала Бетси, — а мне что ты скажешь?

— Что ты милая, прелестная девчурка, — отвечала Мег, обняв и целуя Бетси, которая была общей любимицей семьи.

Комната, где сидели сёстры у камина, в котором ярко потрескивал огонь, была аккуратно прибрана, хотя ковёр давно выцвел и мебель была старомодная. На угловых этажерках лежали в порядке книги, на окне стояли цветы.

Маргарет, или Мег, было шестнадцать лет. Это была хорошенькая девушка с большими глазами, блестящими чёрными волосами и очень красивыми белыми ручками, которыми она немножко гордилась.

Джо, или Жозефине, было пятнадцать лет. Она была высокая, худенькая и смуглая, с прекрасными, выразительными серыми глазами. Эти глаза да густые волосы были её единственной красотой. Длинные руки и ноги мешали ей. «Я не знаю, куда их девать», — так она сама объясняла. Росла Джо не по дням, а по часам, и сердилась на это.

Элизабет, или Бетси, было тринадцать лет. Она была беленькая, с розовыми щёчками и блестящими, но застенчивыми голубыми глазками, всегда ровная, спокойная и немножко задумчивая.

Эми только минуло двенадцать лет, но она очень много о себе думала и очень заботилась о своей наружности. Это была бледная, тоненькая девочка с нежными голубыми глазами и пепельными локонами.

Пробило шесть часов. Бетси подмела сор у камина и поставила перед ним домашние туфли. Это был знак, что скоро придёт мать, и лица сестёр повеселели. Джо взяла туфли и стала греть их у огня.

— У мамы совсем износились домашние туфли, — сказала она, — надо купить ей новые.

— Я куплю на свой доллар! — воскликнула Бетси.

— Нет, я! — сказала Эми.

— Ну, вот ещё! — сказала Мег. — Я самая старшая, я куплю...

— А вот и нет! — перебила Джо. — Без папы я здесь мужчина... Папа велел мне особенно заботиться о маме. Поэтому я куплю ей туфли.

— Ну хорошо, — сказала Бетси, — мы все сделаем ей по подарку на Рождество.

— Вот это отлично! — воскликнула Джо, целуя её. — Что же мы подарим?

Сёстры подумали несколько мгновений, Мег взглянула на свои хорошенькие маленькие ручки.

— Я подарю маме перчатки, — сказала она.

— Я куплю ей носовые платки и сама их подрублю и вышью, — сказала Бетси.

— А я, — сказала Эми, — флакончик одеколona. У меня тогда ещё останется от доллара, и я куплю что-нибудь для себя.

— Мы положим подарки на стол, — сказала Джо, — и позовём маму, как всегда делаем в наши дни рождения. Пусть мама думает, что мы теперь идём покупать что-нибудь для себя. Завтра же надо идти, Мег! Нам многое надо купить к нашему представлению.

— Да, — отвечала Мег. — Я последний раз в нём участвую: я уж стара для таких игр.

— Нет, пожалуйста, Мег, — пылко восстала Джо, — ты наша лучшая актриса... без тебя ничего не выйдет!

— Проведём-ка репетицию! — предложила Мег. — Эми совсем не умеет падать в обморок. Она стоит и падает, как палка.

— Я не виновата, — сказала Эми, — я никогда не видала, как падают в обморок. Да я и не хочу быть в синяках. Я тихонько упаду или красиво опущусь в кресло. Что, вы думаете, я боюсь Хьюго и его пистолета?

Эми была очень плохая актриса, и её выбрали в героини только потому, что она была очень лёгонькая и герой свободно мог её поднять.

— Ну-ка, Эми, милая, попробуй, — сказала Джо. — Подними руки, протяни их к небу, сделай несколько шагов по комнате, шатайся, и вскрикни с испугом: «Родриго, спаси, спаси меня!»

Джо для примера закричала раздражающим голосом. Эми старалась подражать ей, но это у неё не вышло. Она вытянула руки, как палки, и вскрикнула, точно её комар укусил. Джо ворчала, Мег хохотала, а Бетси сожгла свой хлеб в камине, так её интересовала репетиция.

— Ну, всё равно, — сказала Джо. — Играй, как умеешь!

Репетиция продолжалась и благополучно закончилась. Колдунья Агарь спела дикую песню, мешая зелье в котле. Родриго храбро сбил оковы, а Хьюго умер в судорогах, замученный угрызениями совести...

— У нас никогда ещё не было такой замечательной пьесы, — сказала Мег.

— Ах, Джо! — воскликнула Бетси. — Как это ты умеешь такие чудные вещи сочинять!

— У меня есть гораздо лучше, — скромничала Джо, — но я жалею, что нам нельзя сыграть Макбета. У нас нет люка, чтобы явиться тени Банко. «Что это? Не кинжал ли я вижу?» —

продекламировала Джо, грозно вращая глазами и потрясая поднятой рукой.

— Нет, не кинжал, а щипцы и мамины туфли! — отвечала Мег.

Представление кончилось громким смехом.

— Как я рада, что вижу вас такими весёлыми, мои дорогие! — послышался в передней голос.

Сёстры бросились к миссис Марч, входившей в комнату. Это была женщина маленького роста, толстенькая, без всякой красоты в добром лице, с ласковой, спокойной манерой.

— Ну, как вы тут поживали без меня? — спрашивала она, улыбаясь. — Никто не был? Мег, ты всё кашляешь? У тебя, Джо, усталый вид. Бетси, Эми, подите ко мне, я вас поцелую!

Сбросив мокрое платье и надев туфли, миссис Марч села в кресло у камина и посадила Эми к себе на колени. Дочери ухаживали за ней. Мег заваривала чай, Бетси накрывала ужин, Джо ставила стулья к столу, опрокидывая и роняя всё, что ей попадалось на дороге. Только Эми ничего не делала и отдавала приказания сёстрам.

— У меня есть для вас сюрприз, дети, — сказала миссис Марч, садясь к столу.

— Наверно, письмо от папы! Да, да! Ура! Да здравствует папа!

Девушки хлопали в ладоши и прыгали от радости.

— Папа обращается в письме к каждой из вас отдельно, — прибавила мать.

— Не будем терять времени, — сказала Джо, опрокидывая чашку с чаем. — Как мне хотелось бы сделаться... Эми, как называются эти маленькие женщины с маленькими бочонками через плечо?

— Маркитантки? — сказала Мег.

— Да. Тогда я была бы с папой... А ещё лучше быть медсестрой при госпитале.

— Ну, это очень тяжело!

— Когда папа вернётся? — спросила Бетси.

— Не раньше чем через год, моя милая, если только будет здоров. Ну, слушайте же, я буду читать письмо.

Мать снова села в своё кресло, и девушки окружили её. Бетси села у её ног, Мег и Эми на ручках кресла, а Джо встала сзади, опершись обеими руками на спинку, чтоб ловчее было спрятаться, если она вздумает заплакать.

Мистер Марч рассказывал о своей походной жизни, слегка упоминая об опасностях, с надеждой говоря о лучшем будущем. Он обращался к дочерям с ласковыми словами и выражал

уверенность, что, вернувшись, будет гордиться своими «маленькими женщинами».

Все были тронуты письмом, и Джо не стыдно было крупных слёз, катившихся у неё по щекам и даже по носу. Эми бросилась к матери на шею, пряча личико у неё на плече и забывая о своих локонях, которые она не боялась больше растрепать.

— Мама... милая... я знаю, что я такая эгоистка... но я постараюсь, чтоб папа был доволен и мной.

— Да, — говорила Мег. — Вот и я так часто бываю тщеславна и ленива!.. Но я непременно исправлюсь... если смогу, — прибавила она тише.

— И я постараюсь не быть похожей на мальчика, а быть «маленькой женщиной», как папа хочет, — сказала Джо. — Буду всё делать, что нужно дома, и не желать невозможного!

По мнению Джо, гораздо труднее было справляться с домашними обязанностями, чем сражаться с мятежниками на Юге.

Бетси молча отирала слёзы чулком, который она вязала, и мысленно давала обещание радовать отца, когда он вернётся.

— Помните, — сказала миссис Марч, — когда вы были маленькие, как вы любили играть в «Пилигрима»? Вы брали мои мешки с лоскутками и палки, надевали шляпки и странствовали по всему дому от погреба до амбара. Амбар был у вас «Город уныния», а верхняя терраса — «Небесный Иерусалим», и вы украшали его самыми любимыми своими вещами.

— Ах, как это было весело! — воскликнула Джо. — Как страшно было идти по пустыне, где жили львы и где надо было бороться с искусителем!

— Я, — сказала Мег, — больше всего любила, когда наши ноши падали, будто сами собой, с плеч и катились вниз по лестнице.

— А я больше всего любила переходить в «Небесный Иерусалим», — сказала Бетси. — Там у нас было столько цветов, солнышко светило! Так хорошо было прийти туда и петь по окончании странствия!

— Я это всё смутно помню, — сказала Эми, — знаю только, что очень боялась погреба; у входа в него было так темно! Я любила, когда после странствия мы садились и ели пирожки и крем. Это я очень, очень любила. Как жаль, что мы уже большие и нельзя больше играть в «Пилигрима»!

— В эту игру, моя милая, можно играть всегда, — сказала миссис Марч. — Вся наша жизнь — такое странствие, и ноши у каждого из нас есть, и дорога открыта перед нами, и мы все идём по ней, стремясь к счастью. Кто захочет, тот после многих ошибок и грехопадений придёт к душевному миру, а этот мир и есть «Небесный Иерусалим». Попробуйте-ка, мои маленькие пилигримы, опять начать эту игру, только не шутя, а серьёзно! Посмотрим, далеко ли вы уйдёте вперёд к возвращению папы домой?

— Хорошо, — сказала Эми. — Но какие же мы возьмём ноши?

— Каждая из вас назвала уже сейчас свою ношу, кроме Бетси, у которой, верно, нет никакой.

— Ах нет, есть, мама: хозяйство, ужасное желание иметь хорошее фортепиано и боязнь чужих.

Ноша Бетси была так легка, что всем хотелось засмеяться, да боялись обидеть девочку.

— Хорошо, попробуем, — задумчиво сказала Мег. — Это ведь на самом деле — старание сделаться лучше. Ах! Желание-то быть хорошей всегда есть, только твёрдости никогда не хватает.

— Сегодня мы тонули в «Болоте уныния», — сказала Джо, — и мама спасла нас, как в книге, где Надежда является

спасительницей. Но там у героя-христианина есть правила, согласно которым он идёт по дороге к «Небесному Иерусалиму». А мы где же их возьмём?

Джо хотелось поскорее начать действия, и она была в восторге, что может несколько опоэтизировать тяжёлую задачу долга.

— Ты найдёшь правила у себя под подушкой в Рождественский сочельник, — сказала миссис Марч.

Они ещё немного потолковали о своих планах. Когда пробило девять, все встали на молитву, а потом запели хором псалом. Бетси аккомпанировала на стареньком фортепиано с пожелтевшими клавишами. Голос Мег раздавался, как флейта. Миссис Марч управляла маленьким хором. Джо ввёртывала фантастические трели и то и дело фальшивила.

Сёстры с детства привыкли подпевать матери, и миссис Марч пела, как жаворонок, с утра до вечера.

ГЛАВА II

ПРАЗДНИК НАЧИНАЕТСЯ

В рождественское утро Джо проснулась раньше всех и сунула руку под подушку. Она нашла там книгу в красном переплёте. Это было Евангелие — лучший руководитель для пилигрима, который хочет достичь цели своего странствия.

Джо разбудила Мег и других сестёр. Они желали друг другу весёлых праздников, целуя одна другую, и каждая нашла у себя под подушкой Евангелие в хорошеньком цветном переплёте.

— Знаете, — сказала Мег, — после отъезда папы мы совсем забросили привычку читать Евангелие. Положим его каждая у своей постели и будем каждый день читать понемножку. Начнём с сегодняшнего дня, Джо!

Она открыла священную книгу, Джо обняла её за плечи и, склонившись к ней, стала читать вместе.

— И мы сделаем то же, Эми, — сказала Бетси. — Чего мы не поймём, то сёстры нам объяснят.

Все четыре сидели над Евангелием и читали с благоговением, а солнышко, заглядывая в окно, освещало их детские личики.

— Где мама? — спросили старую няню Анну Мег и Джо, сойдя вниз полчаса спустя.

— И сама не знаю, — отвечала старушка. — Приходил ранёхонько утром какой-то мальчик и просил на бедность, для больной матери. Ваша мама сейчас и ушла с ним. Она ведь никогда бедным не отказывает.

Анна давно жила в доме — с самого рождения Мег — и считалась членом семьи.

— Мама, наверно, скоро вернётся, — сказала Мег, — давайте накрывать завтрак... А где же одеколон, Эми? — спросила она, заглянув в корзинку с подарками.

— Эми, верно, пошла завязывать ленточку на флакон, — ответила Джо, прыгавшая по комнате, чтоб размять новые туфли.

— Хороши мои платки? Анна их так хорошо выгладила!

— Посмотрите-ка! — воскликнула Джо. — Наша девчурка вышила Мама вместо М. Какова?

— Я думала, так лучше, — смущённо сказала Бетси. — Два М стоят и на платках Мег, а эти лично для мамы.

— Отлично придумала, дорогая! — похвалила Мег. — И маме это точно понравится. Ах! Слышите? Стукнула дверь! Это мама... Прячьте скорей корзинку!

Мигом поставили корзинку под диван. Дверь отворилась, но вошла не миссис Марч, а Эми, в пальто и в косынке. Она немножко смутилась, увидав сестёр.

— Куда это наша птичка так рано улетала? — сказала Мег. — Что ты такое прячешь за спиной, Эми?

— Я думала, никто не узнает! — отвечала Эми. — Когда я сегодня читала с Бетси Евангелие, мне сделалось вдруг очень стыдно, что я такая эгоистка, и я пошла купить большой флакон... на весь свой доллар...

Мег крепко поцеловала её, а Бетси обвязала флакон розовой ленточкой.

— Ах, как красиво теперь! — радовалась Эми.

Опять стукнула дверь внизу, и снова корзинка с подарками исчезла под диваном.

Вошла мать.

— Мама, милая, с наступающим праздником! Спасибо тебе за книги! — говорили сёстры, окружая её. — Мы уж начали их читать и каждый день будем прочитывать понемногу.

— И прекрасно, мои милые девочки! Желаю вам успеха и весёлых праздников. Прежде чем мы сядем завтракать, я хочу вам

кое-что сказать. Тут недалеко живёт бедная женщина с шестью детьми, а седьмой недавно родился. У них нет ни хлеба, ни дров. Отнесём им наш рождественский завтрак! Как вы думаете?

Сёстры не сразу ответили: им очень хотелось есть, а завтрак подали позже обыкновенного. Однако ж молчание длилось только одно мгновение.

— Какое счастье, что мы ещё не начинали! — воскликнула Джо.

— Можно мне нести чайник? — спросила Бетси.

— А я возьму сливки и булочки, — сказала Эми, уступая бедным свои любимые кушанья.

Мег взяла фрукты и хлеб.

— Я была уверена, что вы согласитесь, — сказала миссис Марч. — Когда мы вернёмся, мы позавтракаем молоком с хлебом.

Всё было готово, и семья отправилась. Они пришли в бедную, полупустую комнату. В одном углу сидела мать с крошечным ребёнком на руках, в другом, на большой кровати, приютились остальные дети, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться. Дров в печке не было, в разбитое окно врывался холодный воздух.

— Господь посылает к нам своих ангелов! — сказала бедная женщина со слезами на глазах.

Миссис Марч занялась матерью и ребёнком, которому она принесла бельё и тёплое одеяло.

Сёстры стали делить между старшими детьми завтрак. Анна заткнула собственным старым передником разбитое окно и растопила печку принесёнными из дому дровами. Дети улыбались. Их бледные личики зарумянились. Мать со слезами благодарила миссис Марч и Анну.

Не было во всём городе таких счастливых людей, как четыре сестры Марч, когда они с матерью возвращались домой.

— Я думаю, это и называется в Евангелии любить своего ближнего, как самого себя, — говорила Мег. — Как я рада, что мы могли это сделать!